

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

ЭМИГРАЦІЯ и КАТОЛИЧЕСТВО

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ПАРИЖЪ

1924

10

1141

ЭМИГРАЦИЯ
И
КАТОЛИЧЕСТВО

5242

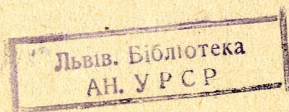
29(17)

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

~~XXXX~~ ~~35/11~~
Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

ЭМИГРАЦИЯ И КАТОЛИЧЕСТВО

ПАРИЖЪ

1924

9345-112.6 + 9345-36

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 3270

Эмиграція и католичество

I

Я берусь за перо во имя справедливости, а не съ цѣлью что то доказать или въ чемъ то убѣдить, такъ какъ всякія доказательства или убѣжденія бесполезны въ примѣненіи къ тому, что касается самой таинственной, самой глубокой силы души — ея вѣры.

Вѣра стоитъ внѣ всякихъ человѣческихъ знаній и законовъ, такъ какъ законъ ея каждый изъ насъ носить въ самомъ себѣ.

За послѣднее время духовные вопросы начинаютъ волновать душу русской эмиграціи и тѣхъ несчастныхъ русскихъ, которые по волѣ Божьей, продолжаютъ страдать на Родинѣ. Вопросамъ этимъ давно было пора занять принадлежащее имъ по праву, первенствующее мѣсто въ нашей жизни.

Изъ горячихъ споровъ и нападокъ, направленныхъ православными противъ католическаго духовенства, въ соприкосновеніи съ которымъ поставлена, волей Божьей, русская эмиграція, — въ концѣ концовъ выльется побѣдоносная истина.

Расколъ Церкви есть Божье попущеніе, но не можетъ быть Божьей волей, ибо среди вражды, интригъ, лживыхъ донесеній и обмана, царившихъ

ность Христа, чтобы Онъ исцѣлилъ слѣпоту невидящихъ.

Легкомысленныя сужденія есть слѣдствіе небрежнаго отношенія къ тому, что должно стоять на первомъ планѣ въ жизни каждаго изъ насъ, — къ нашей религіи, въ которой сконцентрирована не только простѣйшая и вмѣстѣ глубочайшая философія, но и самая высокая, чистая красота и поэзія, вдохновлявшая геніевъ.

Истинно вѣрующій остороженъ въ религіозныхъ сужденіяхъ, такъ какъ знаетъ, какъ много глубины и божественной тайны, хранящейся въ Церкви, сокрыто отъ насъ, какъ много надо молиться, чтобы подойти къ порогу Свѣта.

Невозможно отрицать, что не только наука, искусство, но даже и простое мастерство требуютъ изученія, и чѣмъ это изученіе глубже и тщательнѣе, тѣмъ шире раскрываются горизонты изучаемой области.

Мы воздерживаемся спорить и что либо доказывать въ области намъ мало знакомой. Почему же въ области религіи люди, едва знающіе наизусть двѣ-три молитвы, разсѣянно присутствующіе въ Церкви, а иногда и вовсе не посѣщающіе ее, не прочитавшіе ни одной богословской книги, находятъ возможнымъ спорить и что то доказывать? Свое смѣлое дилетантство или невѣжество они считаютъ вѣскимъ лишь потому, что разобратъ въ немъ не могутъ. Извѣстно, что самый горячій спорщикъ тотъ, кто меньше всѣхъ знаетъ.

Стыдясъ быть мало образованными въ общемъ образованіи, мы привыкли игнорировать образованіе религіозное и довольствуемся самыми элементарными познаніями. Не стыдясъ крайней

ограниченности въ своихъ сужденіяхъ, мы лѣнимся изучить религію, преподанную намъ Христомъ. Мы лже-хрістіане, ибо пренебрегаемъ завѣтами Христа, и многіе изъ насъ увѣрены, что каждый можетъ вѣрить по своему, что никакой Церкви для вѣры не требуется. Однако, даже самая чистая вѣра можетъ, не будучи направлена Церковью, связывать не только съ невидимой сущностью добра, но и съ невидимой сущностью зла. Чтобы черезъ вѣру быть связаннымъ съ Господомъ, надо сообразоваться съ тѣмъ, что указано Имъ для этого.

Называть себя хрістіаниномъ и быть имъ — это не одно и то же. Первое—есть внѣшняя форма, второе — внутреннее духовное содержаніе.

Слишкомъ многіе изъ насъ не горячіе и не холодные, а какъ то вяло-теплые. Если мы вѣруемъ, то не горячо и не страстно, если не вѣруемъ, то душа наша не мечется въ сомнѣніяхъ и поискахъ; она пребываетъ въ апатичномъ сознаніи своего невѣрія, предпочитая идти съ зажмуренными глазами къ порогу вѣчности, вмѣсто того, чтобы искать свѣта, ибо для поисковъ требуется затрата духовной энергіи.

По большей части тѣ, кто возмущается переходомъ своихъ собратій въ католичество, не имѣютъ никакого понятія ни что такое Церковь Восточная, ни что такое Церковь Католическая, вселенская, православная (*église orthodoxe*).

Аргументы протеста базируются на томъ, что «русскій патріотъ» (при чемъ тутъ патріотизмъ?!) не долженъ оставлять свою Церковь, что Россія можетъ быть только «православной», что католики всѣ ловятъ души русскихъ и соблазня-

ютъ ихъ (развѣ истинно вѣрующаго можно соблазнить?!) А теперь еще прибавляется, что католики платятъ за переходъ въ ихъ религію, что католическая Церковь всегда вмѣшивалась въ государственныя дѣла, а наша — стояла въ сторонѣ.

Почему англичанинъ, японецъ, армянинъ или грекъ, переходя въ католичество не мѣняетъ своей національной фізіономіи и не перестаетъ быть патріотомъ, любящимъ свою родину? Почему же русскій, присоединившись къ католической церкви, долженъ сдѣлаться иностранцемъ?

Кто сказалъ, что Россія можетъ быть только православной? Не тотъ ли, кто убѣдилъ Россію, что она святая и что народъ русскій Богоносецъ? Но въ чемъ же выражается святость Россіи? Развѣ всѣ мы чтимъ заповѣди Христа болѣе, чѣмъ остальные народы? Кто любитъ Бога, тотъ любитъ и ближняго, а развѣ въ сердцахъ нашихъ горитъ любовь къ ближнему? Развѣ мы сейчасъ доказываемъ эту любовь хотя бы другъ къ другу? И почему нашъ народъ Богоносецъ? А революція, а звѣрства въ Калушѣ и Тарнополѣ (я, въ моментъ бѣгства арміи, была въ тѣхъ мѣстахъ). Я думаю, что народъ нашъ такой же какъ и всякій другой народъ: въ мирномъ состояніи — хорошій, а въ своей стадности — жестокій и легко поддающійся всякому злему обману. Развѣ нельзя любить свое родное безъ обманчиваго восхваленія, безъ воображаемаго ореола?

Католическое духовенство, съ широкой благоustной рукой идущее навстрѣчу нуждающейся голодной эмиграціи, доказываетъ свою христіанскую любовь къ ближнему, и добро, ими тво-

римое, чистое, такъ какъ оно творится въ любви и во имя Господа. О томъ, что они «сманиваютъ», «соблазняютъ» и даже платятъ за переходъ въ католичество, я, которую никто не соблазнялъ и которой ничего не уплочено, скажу нѣсколько словъ дальше.

Въ отвѣтъ на то, что католическая церковь всегда занималась дѣлами государства, можно замѣтить, что только благодаря римскимъ первосвященникамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть эпохи среднихъ вѣковъ, только благодаря имъ, стоявшимъ у власти Церкви и государства, прививавшимъ закоренѣлой въ язычествѣ человѣческой натурѣ — культуру христіанства, только благодаря имъ, — преемникамъ Св. апостола Петра, — Церковь сохранила въ нерушимой чистотѣ завѣты Христа, и врата Адовы не одолѣли ее.

Что было бы съ этой Церковью, еслибъ ея первосвященники, стоя въ сторонѣ, отдали бы власть государства въ руки властителей, натура которыхъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ еще оставалась языческой? Чтобы воспитать государство въ духѣ Христа, требовался властитель отъ Церкви, властитель, которому сообщена была бы благодать Духа Святого, обѣщанная Христомъ, — который имѣлъ бы престижъ власти.

Что было бы съ Восточной Церковью, еслибы пастыри ея не рабѣствовали передъ Византійскими владыками, въ которыхъ еще крѣпко сидѣлъ духъ и привычки язычества, не потакали бы имъ и не заражались бы тщеславіемъ и властолюбіемъ. Если бы они стояли на должной высотѣ, подобно патріарху Игнатію, котораго Фотій ик-

тригами и ложными донесеніями заточилъ въ монастырь, — то и понынѣ Церковь Христова была бы единой; не укрѣпилась бы въ молодой Россіи, благодаря греческимъ священнослужителямъ, тупая вражда къ первосвященнику вселенской Церкви.

Въ то время какъ вражда эта, не достойная духа христіанства, прививалась и воспитывалась въ русскихъ людяхъ, Церковь русская обезличивалась, подчинивъ себя сперва Петру I, упразднившему патріаршество и поработившему церковь, а затѣмъ потеряла послѣдній авторитетъ; признавъ власть правительствующаго Синода, гдѣ дѣлами Церкви управляли свѣтскіе люди. Церковь, въ своемъ узко - національномъ руслѣ, омертвѣла...

Но все это дѣла минувшія, непоправимыя, дѣла, неизгладимой печатью наложившія слѣды на страницы русской исторіи... Послѣднія ея страницы, перелистываясь рукой вѣчности, залиты кровью и слезами, залиты страданіями русскихъ людей, оставшихся въ Россіи и разсѣявшихся по всему міру.

Когда пройдутъ вѣка, исторія, быть можетъ, отмѣтитъ эту эпоху какъ пораженіе лже-христіанъ. Мы — русскіе миряне — очень далеки отъ завѣтовъ Христа, русское же духовенство слѣпо или упрямо стоитъ на «ортодоксальныхъ казусахъ», намѣренно сочиненныхъ въ Византіи, которой коснулась карающая десница Господа: съ 1453 года храмъ Св. Софіи въ рукахъ турокъ.

Только слѣпцы не видятъ, не хотятъ понять, что то, что творится въ Россіи и со всѣми нами, не есть безсмысленная случайность, что волна,

захлеснувшая насъ, это Голгофа за многовѣковые грѣхи наши.

Страданіями, слезами и кровью омывая вольные и невольные грѣхи, мы принимаемъ новое крещеніе для того, чтобы съ просвѣтленной душой, съ сердцемъ, очищеннымъ страданіями и слезами, начать новую жизнь, болѣе достойную тѣхъ, кто носить имя Христа.

За эти годы распятія Россіи и нашего томительнаго скитанія по чужимъ странамъ, по убогимъ угламъ, мы должны наконецъ убѣдиться, что политика, наши распри и дешевыя словопренія, расчеты и организаціи — все бессильно передъ темной властью зла.

Власть сатаны, власть тьмы будетъ покорена только властью святыни.

Многіе и многіе изъ насъ уже начинаютъ понимать это; начинается медленное, но несомнѣнное перерожденіе, ведущее къ свѣту истины, къ сознанію, что для борьбы съ темной властью, захлеснувшей государства и алтари, нуженъ громадный подъемъ свѣтлой и святой энергіи во имя Христа, новый крестовый походъ.

Громадное христово войско, единое, братское, воодушевленное чистой идеей, непобѣдимое силой креста, войско единой вселенской Церкви, — этой великой силой будетъ побѣжденъ врагъ и наступитъ новая заря... Россія воскреснетъ, омытая слезами новаго крещенія. Это будетъ, это уже приближается. Наступаютъ великіе моменты великихъ движеній.

Всякій, кто въ душѣ своей согласенъ, что Церковь Христова не можетъ враждовать, ибо гдѣ имя Христа, тамъ миръ и любовь, что Церковь

должна слиться воедино, какъ это было съ ея основанія десять вѣковъ, тотъ обязанъ искать пути къ примиренію. Кто понимаетъ, кто сознаетъ это, тотъ, во имя чести и совѣсти, не долженъ, не смѣетъ молчать. Нужно громко кричать объ этомъ, чтобы къ зову прислушались глухіе. Зовъ къ миру во имя Христа... Блаженны Миротворцы, ибо они сынами Божьими нарекутся.

Я всегда была того убѣжденія, что вражда Церквей не соотвѣтствуетъ духу ученія Христа, но читала въ этой области мало и о переходѣ въ католичество никогда не думала, чтя и свою религію и своихъ пастырей, между которыми знаю людей высокой духовной культуры.

Въ прошломъ году въ Берлинѣ я услышала отъ одного нашего пастыря, что перейти въ католичество — это отрѣчься отъ Христа. Меня поразили эти слова, такъ какъ я привыкла думать, что весь христіанскій міръ принадлежитъ Христу. Съ того дня какъ прозвучали эти слова, во мнѣ началась тяжелая и сложная работа. Я не была знакома ни съ кѣмъ изъ католиковъ, и ни съ кѣмъ не дѣлилась зародившимися во мнѣ сомнѣніями.

Однажды кто то, по странной случайности, оставилъ на моемъ столѣ «бесѣды православнаго священника съ уніатскимъ о заблужденіяхъ латинянъ» Митрополита Антонія.

Я прочла. Общее впечатлѣніе получилось тягостное отъ крайне непріятной рѣзкой формы, въ которую авторъ облекъ споръ двухъ священнослужителей. Странно было представить себѣ двухъ пастырей Церкви Христовой, лишенныхъ смиренія, недостойно для сана своего какъ бы переругивающихся. Чувствовалось явное желаніе автора

подстрекнуть читателя на неуваженіе къ противнику. Мнѣ было и больно и обидно, что такой глубокой, сложный, мучительный для христіанскаго сердца предметъ обсужденія облеченъ въ такую вульгарно-примитивную форму.

Впродолженіи года Господь отчетливо велъ меня по трудному и сложному пути, который закончился переходомъ въ католичество. Я много и горячо молилась, думая, что къ душѣ моей приблизились темныя силы. Чѣмъ больше я молилась, тѣмъ яснѣе Господь указывалъ мнѣ свою волю. Я просила, для доказательства ея, вещи, которыя, казались, невыполнимы, и Онъ давалъ ихъ мнѣ. Послѣдніе полгода передъ переходомъ въ католичество, жизнь моя складывалась совершенно особенно, явно направляемая высшей волей къ порогу, переступить который, я думала, у меня не достанетъ силъ. Я говорила себѣ то, что обыкновенно подсказываетъ пугливый разумъ :

— Зачѣмъ мѣнять вѣру? Я вѣрю, я исповѣдую божественность Христа, я молюсь Ему; не все ли равно къ какой Церкви принадлежать, тѣмъ болѣе, что основные догматы обѣихъ Церквей совершенно одинаковы. Для чего ломать то, къ чему съ дѣтства привыкло сердце? Какой смыслъ придавать значеніе формѣ? — успокаивала я себя, отгоняя томительныя мысли, ища примиренія для смятенной души въ чемъ то среднемъ, что заключало въ себѣ очевидный компромиссъ съ совѣстью и лояльностью души. Но мозгъ говорилъ одно, а душа требовала другого.

Однажды, въ горячей молитвѣ я сказала Господу, что повѣрю, что это Его зовъ, если Онъ

приведеть меня въ Римъ. Прошло самое короткое время, и совершилась какая то чудесная сказка, ибо, не имѣя послѣ бѣгства изъ Россіи абсолютно никакихъ средствъ, лишая себя самаго необходимаго, я вдругъ, самымъ необычайнымъ образомъ, оказалась въ Римѣ...

Италію я знала хорошо, такъ какъ до революціи много путешествовала, но сколько разъ ни направлялась къ Риму, каждый разъ происходило что нибудь, что меня не пускало, и я откладывала поѣздку до слѣдующаго года. Наконецъ, давно понявъ логическое, шагъ за шагомъ, движеніе всей моей жизни, я рѣшила, что, очевидно, въ Римъ мнѣ суждено попасть при какихъ то особыхъ обстоятельствахъ. Предчувствіе меня не обмануло: Господь привелъ меня въ этотъ чудесный, святой городъ, чтобы я, перестрадавъ всей душой отлученіе отъ родной Церкви, изъ которой выросло и окрѣпло мое религіозное чувство, перешагнула бы порогъ двери, за которой, съ неожиданной чудодѣйственной силой, на меня нахлынула такая громадная волна свѣта и счастья, что въ ней сразу потонули всѣ сомнѣнія и мучительные вопросы.

Я не только нашла полное равновѣсіе души, но передо мной какъ будто раздвинулись края завѣсы, и я многое постигла изъ того, что казалось мертвымъ и чуждымъ.

И въ сердцѣ, и въ душѣ загорѣлся ярче пламень любви къ Богу, ко всѣмъ людямъ, отчетливѣе вырисовалась картина всего, что намъ велитъ Господь пережить, картина слѣпоты и глухоты къ завѣтамъ Христа, которые, особенно въ данное время, необходимы нашей душѣ.

Но прійдетъ, прійдетъ конецъ и этому испытанію. Какъ тяжелый сонъ промелькнуть годы лишеній, униженій и бѣдности. Какъ ночныя тѣни, разбѣятся передъ зарей наши томительныя думы о завтрашнемъ днѣ, о хлѣбѣ насущномъ въ буквальному смыслѣ слова. Скользнуть робкіе лучи восходящаго солнца, и тогда, только тогда поймутъ тѣ, кто живетъ не одной только жизнью матеріи, сколько духовной возвышенной красоты было отмѣрено намъ въ нашемъ горестномъ изгнаніи здѣсь на чужбинѣ и въ такомъ же изгнаніи, кто остался чистымъ, на Родинѣ...

Въ мансарды, въ лачуги, въ подвалы и тюрьмы мы внесли съ собой не только всѣ воспоминанія минувшей блестящей жизни — этой суеты отъ суетъ, но и сознаніе нашей чистоты передъ Богомъ и людьми.

Не осталось ни богатства, ни положенія, ни блестящаго или извѣстнаго имени, ни славы, ибо какое дѣло чужому народу до славы русскаго имени!... Всѣ мы здѣсь покрыты одинаковой сѣрой эмиграціонной пылью, но... когда позднимъ вечеромъ, усталый, тушишь свѣтъ въ непривычно-непривѣтливой келейкѣ, ничего общаго не имѣющей съ комфортомъ былыхъ хоромъ, когда опускаешься на колѣни передъ единственно-уцѣлѣвшей иконкой, — въ душѣ подымается чистое, благостное чувство сознанія, что бѣдность наша, — не привычная, не отъ колыбели намъ данная, посланная какъ стихійное бѣдствіе, какъ тягостное испытаніе, — бѣдность эта очищающая, возвышающая, смягчающая и умиротворяющая сознательную душу. Въ нашей бѣдности есть благоуханіе красоты духовной культуры; нашей бѣд-

ностью, униженіемъ и терпѣніемъ заполняются страницы исторіи русской, тяжесть которой мы выносимъ сейчасъ на своихъ усталыхъ плечахъ.

Мы — разсѣянное, но не потерянное стадо Христово, душу котораго Онъ очищаетъ въ страданіяхъ. Страданіями этими, облитыми слезами и кровью, мы приближаемся къ Господу, такъ какъ въ глубинѣ души каждаго изъ насъ уже начался процессъ возрожденія.

Если народъ русскій Богоносецъ, если ему надлежитъ совершить нѣчто великое и свѣтлое, то время это *уже настало*. Разсѣянные по міру, нищіе духомъ мы приближаемся къ царствію Небесному, и Господь дастъ его намъ. Мы должны закончить мученическую страницу жизни Россіи великимъ актомъ любви и мира для Церкви Христа, чтобы воистину быть сынами Божьими.

Россія, принеся въ церковь вѣтвь мира, — будетъ Святой Россіей. Пусть въ душѣ каждаго изъ насъ расцвѣтаетъ эта вѣтвь мира, и Господь укажетъ пути его осуществленія.

Вожаки темныхъ силъ скатили нашу Родину въ пропасть, заплевали, залили грязью и кровью, заглушая сатанинскимъ хохотомъ крики страданія. Однимъ взмахомъ свѣтлыхъ крыльевъ Ангела мира Россія подымется на высоту звѣздъ.

Единымъ войскомъ Христовымъ, единой Церковью вселенской, слитые въ одной братской молитвѣ, побѣждена будетъ темная сила, и Господь сниметъ съ чела Россіи ея терновый вѣнецъ.

Горячо и непрестанно я молю Спасителя, чтобы Онъ влилъ въ наши сердца порывъ желанія: прекратить всякую вражду съ Церковью Вселенской, не выискивать, не выкрикивать ея недостатковъ,

ибо каждый, по большей части голословно осуждающій католичество и разжигающій вражду, — тѣмъ самымъ дискредитируетъ собственную Церковь и ея вліяніе на паству.

Не о латинизаціи русской Церкви идетъ рѣчь. Обрядность Восточная какъ была до раскола такъ и должна остаться. Дѣло не во внѣшнемъ видѣ Церкви, а въ ея невидимой сущности.

Если въ каждой человѣческой организаціи требуется единая, освященная закономъ, власть, то тѣмъ болѣе Церковь, — имѣющая своей невидимой главой Христа на небеси, — на землѣ, какъ видимая, должна имѣть единую и общую всей Церкви главу для охраны въ чистотѣ завѣтовъ Христа и защиты передъ врагами ея. Въ непризнаніи этой единой главы кроется та гордыня, которая и внушила расколъ Церкви.

Кто съ глубокой вѣрой, кроткимъ сердцемъ до самой глубины чистыми помыслами, вопреки всякимъ осужденіямъ, нападкамъ и обиднымъ для честнаго самолюбія подозрѣніямъ, идетъ туда, куда уназываетъ ему вѣра, совѣсть и честь, тотъ опережаетъ теченіе, по которому, внѣ всякаго сомнѣнія, направлено будетъ движеніе еще не прозрѣвшихъ людей. Развѣ не ясно для каждаго, что ледъ уже взломанъ, и рѣка тронулась...

Кто изъ вѣры дѣлаетъ торговлю и подъ видомъ ея ищетъ личныхъ выгодъ, тотъ гнусностью своего поступка губить свое Святое Святыхъ, но ни малѣйшаго зла, дисгармоніи или опасности въ святыню Церкви не вносить, потому что могучему дереву, простирающему къ небесамъ свои вѣтви, не опасенъ прогнившій плодъ: онъ отпадаетъ

отъ сука, порывая съ нимъ всякую жизненную связь.

Великая, мудрая, Святая воля неуклонно двигаетъ омертвѣлую несчастную Россію къ ея воскресенію, къ ея сліянію, къ ея возвращенію въ Церковь Вселенскую, и тотъ, кто съ глубокой, чистой вѣрой опережаетъ общее движеніе, тотъ творить не грѣхъ, а волю Божию.

II

Я знаю ученаго, безстрашнаго альпиниста, всю жизнь проведеннаго среди книгъ. Онъ отрывался отъ нихъ лишь для того, чтобы уходить въ горы и, взбираясь по отвѣснымъ, покрытымъ льдами кручамъ Альпъ, испытывалъ великое наслажденіе быть одному со своими мыслями передъ лицомъ Бога въ торжественной тишинѣ ледяныхъ скалъ, куда не доносится ненужный гомонъ скучной земли. Передъ бѣлой пеленой вѣчно ледяныхъ высотъ зеленѣла суетная земля, надъ ней разстилалась прозрачная даль небесъ, а надъ всѣмъ этимъ Богъ.

Этотъ человѣкъ съ каждымъ разомъ взбирался все выше и выше по скользкимъ кручамъ горъ. Смѣлая и вѣрная нога, нащупывая, отгадывала вѣрный упоръ, широко дышала грудь, вбирая въ легкія разрѣженный снѣговой воздухъ. Ничего ему не надо было кромѣ мыслей, устремленныхъ къ высотамъ науки и кромѣ близости Бога. Онъ былъ любимъ за доброе сердце, свѣтлый разумъ, освѣщенный культурой науки, и за душу, освященную культурой глубокой вѣры.

По велѣнію Бога Онъ долженъ былъ, вмѣсто любимыхъ книгъ, окружить себя безсмѣннымъ потокомъ людей и навѣки отрѣчься отъ дорогихъ сердцу снѣжныхъ Альпъ. Вмѣсто высотъ, съ безбрежными горизонтами небесныхъ далей и сиренево-голубыхъ, перламутромъ переливающихся отдаленныхъ горныхъ грядъ, вмѣсто торжественной симфоніи вечернихъ зорь съ первой блѣдной и робкой звѣздой — молитвенной лампадой голубого эфира, вмѣсто утреннихъ разсвѣтовъ съ первыми алыми брызгами золотистыхъ лучей, преломляющихся чистыми алмазными кристаллами въ ледяныхъ глетчерахъ — колыбеляхъ бурныхъ, орошающихъ далекую землю, потоковъ, вмѣсто всей этой невыразимой радости, данной Господомъ свободному человѣку, Господь повелѣлъ ему навѣки затвориться въ ненужныхъ ему, холодно-пышныхъ хоромахъ, надъ которыми протекали вѣка, внутри которыхъ рука времени заполняла страницы сложной то чистой, то грѣховной. земной исторіи. Всюду холодный мраморъ, пышная парча, алый шелкъ, позолота и мозаика... гнететъ душу великая отвѣтственность въ возложенномъ бремени, тяжесть котораго неуклонно надлежитъ нести до послѣдняго вздоха. Всѣ мысли, все сердце и всю душу надо цѣликомъ отдать на служеніе этому бремени.

Окруженный высокими вѣковыми стѣнами, невѣдомый толпѣ узникъ, непрестанно благословляющій и молящійся за все человѣчество, не могущій никогда раскрыть людямъ ихъ заблужденія въ оцѣнкѣ того, что, съ молитвой, въ горячей любви къ человѣчеству, онъ стремится сдѣлать благого во имя Господа, одинокій въ ненуж-

вомъ для его души, кажущемся величіи, смиренно принимающій злоязычіе, добрый и кроткій сердцемъ, узникъ этотъ — Папа Пій XI.

... «*Priez pour le rare, — le rare prie pour vous* (молитесь о папѣ, — о васъ папа будетъ молиться), — эти слова, глубокія по внутреннему содержанію, были сказаны мнѣ Піемъ XI. Въ этихъ словахъ много смиренія, любви и покорности своему великому и трудному назначенію.

Тотъ, кого, въ невѣденіи или ради сознательнаго искаженія, обвиняютъ въ присвоеніи себѣ непогрѣшимости и святости, тотъ проситъ молиться о себѣ, чтобы Господь далъ ему силы мудро руководить всей вселенской Церковью и нести на своихъ плечахъ всю отвѣтственность за нее.

Отрѣзанный отъ всего міра площадью Св. Петра, Пій XI долженъ вѣдать нужды всего христіанскаго міра, пресѣкать всѣ уклоненія и заблужденія передъ завѣтами Христа, долженъ держать въ равновѣсіи гири политическихъ вѣсовъ и, съ глубокой покорностью волѣ Вышняго, молча принимать мутный потокъ незаслуженной людской клеветы, направленной на Ватиканъ неосвѣдомленными, легкомысленно осуждающими и намеренно клеветующими.

Люди не вдумываются въ психологію власти. Она кажется заманчивой для тѣхъ, кто не понимаетъ, что отъ Бога данная власть — это бремя, ибо Господь вручаетъ ее тому, кто достоинъ ее, то есть, кто, понимая тщету мнимыхъ удовлетвореній ея, въ то же время становится самъ ея слугою, слугою величайшаго долга: одного за множество. Страшна власть одного надъ всей Церковью земной, величайшая изъ всѣхъ — отвѣт-

ственность за ея чистоту, борьба противъ ея враговъ явныхъ и тайныхъ.

Горько видѣть какъ съ обычной жестокой легкомысленностью люди бросаютъ камни въ того, кто не по желанію своего сердца принялъ власть, кто не стремился къ ней, кто несетъ покорно тяжелый крестъ власти земной передъ властью небесной.

Особенно тяжела эта отвѣтственность въ переживаемый нами жуткій моментъ захвата всего міра темной силой, стремящейся увлечь все свѣтлое въ Царство тьмы.

Папа Пій XI зоветъ весь христіанскій міръ къ соединенію во имя Бога, разсылаетъ молитвы и взываетъ ко всѣмъ, чтобы они молились за Россію, захваченную дьявольскими силами. Изъ Ватикана катится непрестанная волна матеріальной помощи голоднымъ въ Россіи и внѣ Россіи. Подбираются сироты, ихъ одѣваютъ, кормятъ, учатъ, грѣютъ и ласкаютъ. Навстрѣчу этой благостной волнѣ, полной христіанской любви, летитъ не горячая молитва благодарности, а жестокая и тупая клевета, летятъ камни и колья грязи. Принимая и пользуясь даяніями, бросаются обвиненія въ зловредныхъ намѣреніяхъ. Развѣ Церковь можетъ пользоваться темными средствами, творя добро во имя Божье?

Католическое духовенство открыто идетъ на помощь русскимъ, открыто, во имя Божье, призываетъ къ соединенію. Добро, творимое ими, называютъ «пропагандой», забывая, что такой же пропагандой былъ покоренъ языческій міръ.

Если православные русскіе находятъ возможнымъ бросать католическому духовенству обви-

неніе, что своей помощью они переманиваютъ въ католичество, то не есть ли это наибольшее обвиненіе въ моральномъ ничтожествѣ тѣхъ, кто можетъ продать свою вѣру?! Бросая подобное обвиненіе Церкви Католической, дискредитируется своя собственная. Вѣру нельзя ни купить, ни продать. Никакой Церкви, а тѣмъ болѣе католической, культуру которой никто не можетъ отрицать, не нужна продажная паства, ибо для каждаго, даже наивнаго человѣка, ясно, что тотъ, кто торгуетъ своей вѣрой, т. е. своей совѣстью и честью, — не имѣетъ ее вовсе и такъ же легко передѣлается обратно въ православнаго, какъ передѣлался изъ православнаго въ католика. Если къ католическому духовенству приходятъ люди и выражаютъ желаніе перейти въ католичество, то ихъ, очевидно, и приобщаютъ къ Церкви, убѣдившись раньше, поскольку это возможно, что они принимаютъ католичество по убѣжденію. Никто не можетъ брать на свою отвѣтственность того, что есть вопросъ чести и совѣсти каждаго изъ насъ. Если въ темной мути грязныхъ дѣлъ и были случаи соблазна деньгами (позоръ и паденіе)! то это было дѣломъ не католической Церкви, а того, кто пользуется ея именемъ. Вся грязь, весь позоръ и грѣхъ падаетъ на голову не католической Церкви, а на головы тѣхъ, кто, очевидно, стоитъ внѣ всякой Церкви.

Гдѣ люди, тамъ и грѣхъ, но дѣло идетъ не о грязныхъ поступкахъ отдѣльныхъ личностей, а о великой вселенской Церкви, въ единое лоно которой должны влиться все жаждущіе царства Свѣта и Правды, низверженія сатанинской власти надъ міромъ и воскресенія Россіи; она воскреснетъ

путемъ приношенія вѣтви мира въ Церковь Христа.

Послѣ того, какъ я перешла въ католичество, я имѣла возможность познакомиться съ католическими кругами, близкими къ Ватикану. Обладая достаточнымъ знаніемъ людской психологіи, я съ первыхъ же шаговъ чувствую малѣйшую фальшь или ложь; хотя бы она была скрыта подъ самымъ искуснымъ покровомъ доброжелательства или лести, и я утверждаю, что была бы глубоко счастлива, если бы мой сынъ, съ годами, имѣлъ духовный обликъ схожій съ тѣми, кого я узнала.

Неоднократно я слышу отъ людей убѣжденно православныхъ, что католическое духовенство, дѣлающее массу добра, — «святые люди», что дѣти, учащіеся на средства католиковъ не подвергаются никакимъ насиліямъ въ вопросахъ религіи, — и въ то же время отъ этихъ «святыхъ людей» сторонятся и боятся ихъ вліянія. Гдѣ логика? Она зарыта въ одиннадцатомъ столѣтіи Фотіемъ и Керулларіемъ и ихъ преемниками, крѣпкими корнями насадившими вражду и ненависть къ Риму, польское же духовенство, дѣйствуя въ цѣляхъ чисто политическихъ, дало пищу укрѣпиться враждѣ еще глубже.

Католическое духовенство стоитъ сейчасъ на высотѣ своего призванія; и безпристрастная исторія несомнѣнно отмѣтитъ на своихъ страницахъ яркими буквами ихъ имена и ихъ дѣятельность.

Папа Пій XI, въ своемъ благодостномъ всенародномъ воззваніи о помощи русскимъ въ Россіи и здѣсь, не побоялся протеста менѣе гуманныхъ людей, помнящихъ измѣну нашей арміи союзникамъ, подсказанную ей большевиками. На это заявляютъ, что все добро дѣлается съ цѣлью

приблизить русскіе сердца къ католической Церкви, но всякое добро, творимое во имя Божье, подсказано, внушено самимъ Господомъ.

Не считаю себя вправѣ называть имена духовныхъ лицъ, стоящихъ близко къ Ватикану, съ которыми я видѣлась въ Римѣ и которые оставили въ душѣ моей неизгладимое чувство глубочайшаго уваженія и такой же любви; высокая культура ихъ мозга стоитъ наравнѣ съ глубокой культурой сердца и религіознаго вѣрованія. Общая гармонія создаетъ прекрасные типы чисто христіанской культуры. Еслибы тѣ, кто, въ неосновательной враждѣ, по большей части, не имѣвшие въ своей жизни случая знать служителей Ордена Іезуитовъ и бросающіе по ихъ адресу легкомысленные укоры, могли бы подойти къ нимъ на близкое разстояніе, какъ стыдно было бы имъ своего злоязычія! Сколько чудесныхъ, добрыхъ сердець, сколько свѣтлыхъ умовъ встрѣтила я среди іезуитовъ, сколько добра дѣлаютъ они, сколько настоящей культуры насаждаютъ въ юное поколѣніе! Пусть Господь благословитъ ихъ всѣхъ за то, что не мало подобрано ими русскихъ несчастныхъ дѣтей, изъ которыхъ они сдѣлаютъ честныхъ людей, и научатъ ихъ любить Бога и любить свою Родину больше самихъ себя.

Сейчасъ католическому духовенству бросаютъ неосновательный упрекъ, что они подбираютъ русскихъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ католиковъ, но неминуемо оно было бы осуждено тѣми же лицами въ жестокости, если бы оно оставалось безучастно къ судьбѣ погибающихъ русскихъ дѣтей.

Существуетъ одинъ католическій священникъ,

который на свои скромныя средства поддерживает семью православнаго діакона, лишеннаго средствъ; при чемъ дѣти, которые учатся на средства этого священника, спокойно остаются въ православіи и никто не внушаетъ имъ католическаго вѣроисповѣданія.

Судъ толпы всегда жестокъ и несправедливъ, если ею не руководить порывъ, связанный съ чистыми источниками души.

Я знаю одного итальянца аббата въ Римѣ. Это типъ удивительной безкорыстности, полного игнорированія себя въ заботѣ о нуждающихся русскихъ. Много, много русскихъ знаютъ этого благожелательнаго добряка, готоваго за каждого просить, для каждого бѣгать изъ одного конца города въ другой, помогающаго изъ своихъ скромныхъ средствъ, стоящаго въ тѣни, творящаго добро по завѣту Спасителя такъ, что его лѣвая рука не знаетъ, что даетъ правая.

Много страницъ я могла бы посвятить описанію необычайной духовной красоты, которой окутанъ монастырь *Sacré-Cœur* въ Римѣ, расположенный среди живописнаго, поднимающагося до самой возвышенности *Monte Gianicolo*, съ молчаливымъ, обширнымъ садомъ и непрестанно журчащей въ гротѣ струей, напоминающей о вѣчности. Я вижу тихіе, кроткіе, черные, легкіе силуэты, всегда ласковыя, всегда отзывчивыя на людское горе; вижу ихъ окутанныя черной вуалью головы, склоненныя въ молитвѣ уединенной прелестной церкви, чувствую всю эту благоухающую молитвенную красоту людей, отдающихъ себя Господу не только для Его созерцанія, но и для реальной помощи людямъ...

Кого судьба сталкиваетъ близко съ католичествомъ, стоящимъ у алтарей Господнихъ, тому больно и стыдно слушать всѣ нелѣпыя вымыслы, которые легкомысленно повторяются русской публикой. Больно, потому что каждая клевета унижаетъ произносящаго ее, стыдно, — потому, что вымыслы эти до того грубы и безсмысленны, что повторять ихъ простительно только ничего не видѣвшимъ, ничего не читавшимъ, мало образованнымъ людямъ.

Все, что я написала, вылилось изъ глубины моего сердца, вылилось съ молитвой, съ глубокой вѣрой, что перо, чертившее эти листки, получило благословеніе отъ Того, во Имя Котораго я ихъ писала. Я должна была это сдѣлать изъ чувства справедливости, изъ чувства лояльности, и я употреблю всѣ усилія, чтобы листки эти увидѣли свѣтъ. Грѣшно побивать камнями протянутую для добра во Имя Божье руку, и такъ же грѣшно оставаться молчаливымъ свидѣтелемъ.

Заканчиваю эти строки тѣмъ же, чѣмъ я ихъ начала: цѣль этой книжки — жажда любви, широкой, благой любви ко всѣмъ, жажда мира, жажда свѣта.

Захирѣлъ, потускнѣлъ, обезличился и омертвѣлъ нашъ православный міръ. Нѣтъ чистыхъ подвиговъ, нѣтъ великихъ дѣлъ во имя святой правды, нѣтъ подвиговъ души во имя любви къ Богу и человѣку. Толпой угрюмою и скоро позабытой мы, враждебные другъ къ другу, по узкой и кривой тропѣ, плетемся, сами не зная куда и для чего, не бросая ни одной звонкой пѣсни, могущей разбудить, встряхнуть унылую, потерявшую вѣру въ себя, толпу.

Если бы каждый изъ насъ зажегъ въ сердцѣ своемъ хоть одну свѣчку во имя Божьяго дѣла, какимъ яркимъ пламенемъ озарился бы весь христіанскій міръ! Въ его яркомъ заревѣ мы увидѣли бы куполь святого Петра, Крестъ котораго десять вѣковъ возглавлялъ и отколовшуюся Церковь. Этимъ крестомъ будетъ сверженъ врагъ, залившій кровью и слезами Россію, надвинувшійся грозной тучей надъ всѣмъ міромъ.

Святой городъ, въ которомъ лежатъ, дорогіе каждому сердцу христіанина, останки первыхъ апостоловъ Петра и Павла, зоветъ насъ для новаго возрожденія, зоветъ слиться братской любовью, чтобы святилось Имя Его, чтобы пришло Царствіе Его.

И это будетъ. Именемъ Господа говорю — это будетъ!

Раскроются въ молитвенномъ порывѣ сердца ищущихъ правды и мира, и сбудется пророчество имени Святого Города:

Рима — амок, Римъ — миръ, пророчество, указывающее на взаимныя роли Рима, протягивающаго руку милосердія и любви Россіи, и Россіи, протягивающей вѣтвь мира Риму. Наступитъ вѣчная слава для Россіи, потому что блаженни Миротворцы, яко сіи сынами Божьими нарекутся.

Н. А. Лаппо-Данилевская

16 ноября 1923. Парижъ.

(6012)
NADINE DE LAPPO-DANILE

3270
19
48

37712
Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

0187
(1986)

ÉMIGRATION
ET
CATHOLICISME

PARIS
1924

ЭМИГРАЦИЯ
И
КАТОЛИЧЕСТВО

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ПАРИЖЬ
1924